

Денис КУЗЬМИН

г. Петрозаводск

Хайкольцы числятся в Шомбозере: *загадки истории или проделки бюрократий?*

Беломорской Карелией принято называть населенный карелами обширный регион на севере Карелии, протянувшийся от Белого моря до границы с Финляндией. В мировой культуре он известен тем, что именно здесь в XIX веке были записаны жемчужины карельской поэзии, легшие в основу эпоса «Калевала».

Известно, что карельское население начинает осваивать эту территорию в Средневековье, при этом основная масса карельских переселенцев приходит сюда, видимо, после XVI–XVII веков из Северного Приладожья, а также из районов современной средней и северной Финляндии.

Деревня Хайколя (кар. *Haiko'а*, вариант *Jouhko'а*) располагается в центральной части Беломорской Карелии, на острове Луотосуари озера Хайкольского, принадлежащего бассейну реки Средняя Кепа, северного притока реки Кемь. Административно она входит в число деревень бывшей Ухтинской волости, а ныне Калевальского района Республики Карелия. Деревня

интересна еще и тем, что островное расположение не очень распространённое явление для поселений Беломорской Карелии.

Из сведений, полученных финляндским исследователем Вальтером Ювелиусом в 1886 году от жителей Хайколя, мы узнаём, что первыми обитателями этих мест, как и многих других ухтинских (калевальских) деревень, были саамы-лопари. Остатки их поселения, уже заросшего мхом, находятся в лесу недалеко от современной деревни (Juvelius 1888, 50). Относительно недавнее саамское прошлое окрестностей деревни подтверждается и целым рядом географических названий саамского происхождения, фиксируемых в окрестностях современной деревни.

Согласно преданию, записанному в Хайколя, первым жителем деревни считается человек, который был дедом Йоухко, другими словами, жи-

¹ Статья выполнена в рамках проекта РГНФ 11-01-12033в.

теля, от имени которого деревня получила своё неофициальное карелоязычное название Йохколя (*кар.* Jouhkol'a).

В письменных документах первой половины XIX века упоминаний о деревне Хайколя нет, а в обзоре Ухтинской волости за 1866 год она упоминается в форме Гайкола как новообразовавшаяся (Pöllä 1995, 147). Из предания мы также узнаём, что первый житель этой деревни был родом из небольшой деревни Тухкасенвуара (*кар.* Tuukasenvuara), которая находилась в окрестностях современной деревни Хайколя, недалеко от нынешнего посёлка Кепа.

В предании сохранилась информация и о причинах, побудивших его покинуть родную деревню. Жители вспоминали, что произошло это из-за медведей, которых развелось так много, что стало невозможно держать скотину (Virtaranta 1981, 182). Недаром, видимо, в окрестности возвышенности Тухкасенвуара есть местечко с названием Контисуарет, или Медвежьи острова. Со временем небольшая деревня, образованная после переселения из Тухкасенвуары, стала называться Йохколя, по имени внука основателя деревни – Йохко.

Родовое предание, записанное Ювелиусом, сохраняет память и о более ранних, предшествовавших жизни в Тухкасенвуара, этапах жизни этого рода. Оно, в частности, гласит, что предки Йохко – выходцы из Сегозерья. Уйдя из родных мест, они жили некоторое время в деревне Сопасалма (*кар.* Suopassalmi) Юшкозерской волости, располагавшейся при впадении реки Кепа в Кемь, а затем продвинулись по Кепе вверх и поселились в местечке Тухонахо. Видимо, этот топоним должен быть увязан с упоминавшимся выше Тухкасенвуара и современным Тухкавуара, названием урочища, расположенного на юго-восточном берегу озера Костамушъярви примерно в 5-6 километрах от современной деревни Хайколя (Йохколя).

Для понимания истоков топонима Хайколя существенно то, что предание связывает его уже с тем этапом жизни рода, когда последний жил ещё в местечке Тухонахо: основанная переселенцами из Суопассалми деревня в Тухонахо называлась Хайколя (Juvelius 1888, 68). Позднее название было, видимо, перенесено на вновь образованную выходцами из старой Хайколя деревню Йохколя и употреблялось в карельской среде наряду с последней, а в начале XX века закрепилось на официальном уровне.

Вернёмся ещё раз к той деревне, которая существовала в Тухонахо. Предание гласит, что пересе-

ленцы из Сопасалмы проживали здесь в семи домах в течение нескольких поколений. Подтверждением давних связей с деревней Суопассалми может служить сведение о том, что эти деревни соединяла тропинка и кроме неё была ещё одна в деревню Луусалми (Virtaranta 1981, 181).

Но что же побудило их поселиться в этом месте, на высокой горе, вдали от водоема? Отметим, что, с точки зрения занятий сельским хозяйством, поселения на водоразделах стали возможны только с середины XIX века в связи с потеплением климата. Найти ответ на поставленный вопрос поможет опять же предание, которое гласит, что на Тухкасенвуара находился так называемый всполох или сигнальная башня (*кар.* majakka). По историческим данным, их появление было обусловлено условиями жизни на приграничных территориях, так как они оповещали жителей о приближении неприятеля. «Маяками» служили высокие деревья, к верхушкам которых были прикреплены смолистые пни и лишайник. В случае опасности их поджигали, и огонь с дымом был виден с соседнего всполоха, откуда весть об опасности передавалась далее вплоть до Соловецкого монастыря.

Подобные всполохи в карельском Беломорье существовали, например, в деревнях Войкула, Каменное Озеро, Тихтозеро, Корпиозеро, Регозеро, Большое Озеро, Кушеванда, Валасрека и Войница. Из второй части предания мы узнаем, что после окончательной победы Петра I над шведами надобность в системе сигнальных башен отпала, а это послужило поводом к тому, что обслуживающие маяк на Тухкасенвуара мужчина с сыном переселились на остров Луотосуари. Заманчиво задать вопрос: не он ли и был основателем Хайколя?

Можно полагать, что именно ко времени существования деревни на Тухкасенвуара относятся записанные Ювелиусом предания о событиях «грабительской войны» (*кар.* varastussota) 1718 года, когда на острове Калмасуари (буквально «Могильный остров») были убиты многие укрывавшиеся там жители деревни (Juvelius 1888, 62). Остров с названием Калмасуари находится на озере Коштамушъярви вблизи современной деревни Хайколя. Из истории Беломорской Карелии известно, что в 1718 году шведский отряд под командованием майора Энберга сжег несколько северокарельских деревень и уничтожил их жителей (Pöllä 1995, 73). Не исключено, что упоминавшиеся выше события «грабительской войны» способствовали постепенному запустению деревни, а ликвидация системы сигнальных башен и вовсе погубила ее. В этом свете досто-

верным выглядит и предание, которое рассказывает, что причиной ухода последних жителей из деревни на Тухкасенвуара были медведи, которые с резким уменьшением количества населения и домов стали чувствовать себя вольготно.

Куда же переселились жители старой Хайколя? Народная память, как уже упоминалось ранее, связывает уход из местечка Тухонахо с медведями. Согласно преданию часть жителей ушла на северо-запад, где в северной части будущей Тихтозерской волости они образовали деревню Тухкала² (Juvelius 1888, 68), первое упоминание о которой относится к 1788 году (Pölliä 1995, 143). Скорее всего, со старой Хайколя связаны и истоки рода Хуотариненных из Ухты (совр. Калевала). Представитель этого рода в 70-х годах XIX века рассказывал финляндскому исследователю Борениусу, что их первоначальная фамилия рода Тухканен, а в Ухту они прибыли в последней трети XVIII – начале XIX века из Тухкалы (Pölliä 1995, 143). Кстати, сведения о роде Хуотариненных могут пролить свет на истинные причины переселения из Сегозерья всё дальше и дальше на север. Известно, например, что Хуотаринены были староверами. Матти Пёлля считает, что переселение на север находит естественное объяснение в преследовании староверов в конце XVII века (Pölliä 1995, 143). Именно в северных частях Беломорской Карелии проживало значительное количество староверов, часть из которых относилась к группе верующих с названием *tuhkaset* (букв. зольники). Согласно исследованию Й. Пентикяйнена, данная группа получила свое название по деревне Тухкала (Lavonen 1989, 32-33), что, в свою очередь, может быть указанием на то, что переселение из Тухкасенвуара действительно могло быть связано с преследованием староверов того времени.

В отличие от выходцев из Тухкасенвуара, перебравшихся довольно далеко на северо-запад в будущую Тихтозерскую волость, предки Йоухко предпочли остаться вблизи от старых мест. К моменту переселения из Тухкасенвуара в деревне оставалось всего два дома из бывших там прежде семи домов: в одном из них жил с сыном будущий основатель современной Хайколя, а в другом – семья, в которой были только дочери³. Позднее последние вышли замуж и разъехались (Virtaranta 1981, 182). Не исключено, что упоминавшиеся уже выше события «грабительской войны» также способствовали постепенному запустению деревни. Видимо, записанный Ювелиусом в 1886 году рассказ как раз доносит до нас память о родовом гнезде основателя Хайколя на

Тухкасенвуара: «В четырех верстах от современной деревни в лесу находятся остатки бывшего поселения: две каменные печи и выложенный камнями колодец. Здесь же был найден жернов. Недалеко от печей было поле, огороженное высокой каменной оградой» (Juvelius 1888, 57).

Видимо, мы будем недалеко от истины, предположив, что основатель Хайколя мог быть представителем рода Тухканенных, одним из последних покинувших родную деревню. Именно его потомки смогли рассказать Ювелиусу о том, откуда пришел род, а также о событиях 1718 года, свидетелями которых оказались жители деревни, располагавшейся на горе Тухкасенвуара.

Потомки Йоухко в 1866 году носили неофициальную фамилию Калашкайни (Pölliä 1995, 122), истоки которой, несомненно, связаны с именем сына Йоухко – Калашка. В 1948 году исследовательница карельского фольклора Элина Степановна Тимонен, посетившая с экспедицией деревню Хайколя, услышала от одного из жителей деревни по имени Мийхкали (рус. Михаил Степанов) его полное родовое именование, которое очень сильно ее поразило. Оно звучало следующим образом: Йоухкон – Калашкан – Васкен – Олексейн – Пекан – Мийхкали, или Михаил, сын Петра, который сын Алексея, который сын Василия, который сын Галактиона, который сын Ефима (Timonen 1979, 198). Таким образом, родившись в 1897 году, Мийхкали Степанов считал себя потомком Йоухко в шестом поколении. Само имя Калашка – это карельский вариант русского православного Галактион, которое образовалось по такой же схеме, как Степашка от Степана или Ивашка от Ивана.

Такой мы можем видеть историю деревни Хайколя, отраженную в преданиях и рассказах, записанных от жителей деревни. Далее будет представлен ряд фактов из истории этого населенного пункта, который можно проследить с помощью исторических источников.

По данным списка населенных мест Архангельской Карелии за 1908 год, в деревне было одиннадцать домов, в которых проживало сто два жителя (АК, 20). Со временем семьи разрастались, делились, и постепенно часть деревни пе-

² Деревня Тухкала находится приблизительно в 16 километрах от современного поселка Пяозерский Лоухского района.

³ Данный факт также находит, видимо, документальное подтверждение: в 1782 году в деревне проживал Степан Петров (род. 1728), который, на наш взгляд, мог быть младшим братом самого старого жителя – Фомы Петрова. Согласно переписи у него было четыре дочери и ни одного сына (Сказка 1782).

реместилась на материк. Эту часть Хайколя стали называть Viärgä (от кар. viärgä – «кривой, изогнутый»). Дома находились между озерами Хайкольским и Коштамушъярви, вдоль извилистого берега пролива, соединяющего остров с материковой частью. Согласно списку населенных мест Карелии за 1928 год в деревне было уже 24 дома и в них 94 человека (СНМ, 7).

Как нам уже известно, деревня упоминается первый раз в форме Гайкола в 1866 году как новообразовавшаяся. Откуда же пришли ее жители и какие имена они носили? Информацию об истории этого поселения и о судьбах его жителей мы можем почерпнуть из немногочисленных дошедших до нас документов.

Имеющиеся в нашем распоряжении ревизские сказки и метрические книги позволяют выяснить, кто и когда жил в этой деревне. В метрических книгах за период с 1873 по 1915 год мы сталкиваемся с интересным фактом. В этих документах поселение с названием Гайкола упоминается впервые в 1891 году в связи с кончиной 09.02.1891 Лазаря Иванова Кузьмина (МК, 161). И лишь с 1908 года за деревней официально закрепилось название Гайкола (*совр.* Хайколя). Есть, однако, одно существенное обстоятельство, позволяющее утверждать, что возраст деревни значительно старше, а к началу века относится лишь смена его названия в официальных документах. Анализируя антропонию перечисленных документов, мы обнаружили, что жители Гайкола и их предки до 1908 года фиксировались как проживающие в деревне Салпога. Последняя же отмечается во всех известных метрических книгах вплоть до 1908 года, когда на ее месте появляется Гайкола. Упоминание о деревне Салпога мы находим и в списке населенных мест Архангельской губернии за 1861 год. В то время в деревне был один дом, в котором проживало девять человек (СНМАГ, 19). Согласно же списку населенных мест Кемского уезда за 1888 год в Салпоге числилось уже 7 домов и 57 жителей (Подробное описание 1888).

Самый ранний документ, хранящийся в Национальном архиве Республики Карелия и в котором удалось найти упоминание о деревне Салпога, – это четвертая ревизская сказка за 1782 год. В то время деревня относилась к Панозерскому приходу Повенецкого уезда Олонецкой губернии. Документ интересен еще и тем, что в нем есть сноска на предыдущую сказку 1763 года. Согласно документу деревня находилась на берегу Илоштозера, где проживало 39 человек в 1763 году и 19 человек в 1782 году (РС 1782). В переписной книге

1726 года, хранящейся в Российском государственном архиве древних актов, деревня упомянута в форме Сапога. Согласно документу в деревню в 1723 году из бегов вернулись пять крестьян (РС 1726). Самое же раннее упоминание о Хайколя относится к 1678 году: деревня на острове на Лоштозере. Тогда она относилась к Панозерскому погосту Лопских погостов Олонецкого уезда и состояла из одного двора (ПК 1678).

Озеро с названием Лоштозеро или Илоштозеро отсутствует на современной карте Беломорской Карелии, однако для идентификации его есть смысл обратить внимание на название реки Луоштанки (на официальных картах Луаштанги), которая впадает в озеро Хайкольское с севера. Совершенно очевидно, что современное название вторично и восходит к наименованию деревни Хайколя. Как могло называться раньше это достаточно крупное, расположенное в системе реки Кепы, озеро? Заманчиво предположить, что именно озеро Хайкольское носило в XVIII веке название Илоштозеро, отголоски которого сохранились вплоть до сегодняшнего дня в топониме Луоштанки. Суффикс -nki в названии может быть относительно поздним, поскольку в описании угодий деревни в 1876 году фиксируется выгон с наименованием Луоштоламби (СТ), сейчас же название данного озера – Luoštankilampi. Самое первое упоминание об озере, на берегу которого располагается Хайколя, мы обнаруживаем в форме Лостозера в описании Кемской межи 1591 года (МПИК, 327).

Современной топонимической системе окрестностей Хайколя неизвестно и название Салпога, реконструируемый карельский оригинал которого мог выглядеть как *Салопохья (*Salopohja): salo «остров», pohja «конец залива», то есть «островной залив» или «островной конец залива». Такая характеристика очень верно отражает географическую особенность местности, в которой расположена деревня Хайколя: это остров в южном конце Хайкольского озера. Топонимический анализ, таким образом, подтверждает идентичность Салпоги и Гайкола документов XVIII–XIX веков. Подтверждением месторасположения деревни на острове может являться также вариант названия деревни Салпоги, зафиксированный в списке населенных мест за 1861 год, ср. Луашашари. Восстановливаемый оригинал данного названия мог быть *Luoššanšuari < *Luoštašuari, где вторая часть шари < šuari – «остров».

Следует упомянуть здесь, что в 1845 году финляндский собиратель карельских рун Давид Эммануэль Европеус, путешествуя по Беломорской Карелии, посетил деревню Луостесуари, кото-

рая, на наш взгляд, и была современной Хайколя, а также это подтверждает, что зафиксированное в 1861 году наименование функционировало еще в середине XIX века и в карелоязычной среде.

Из документов мы узнаем, что самым старым жителем Салпоги в 1763 году являлся Фома Петров (1676–1766), которому было тогда 87 лет. Это сведение, на наш взгляд, очень ценно, так как позволяет связать воедино исторические сведения с родовым преданием. Предание, сохранившееся у жителей деревни, гласит, что первым жителем Хайколя (Йоухколя) был не Йоухко (рус. Ефим), имя которого сохранилось в ойкониме, а его дед, поселившийся на острове со своим сыном.

Однако следует все же отметить, что не Фома Петров был, видимо, основателем поселения, и об этом свидетельствует официальная перепись 1678 года. Согласно ей в единственном доме в деревне на острове на Лоштозере проживал в то время зарубежный выходец Якушко Пардуев (кар. *Partani) с сыном Дмитрием. Можно предположить, что Якушко мог относительно недавно переселиться в Беломорскую Карелию, например, из бывшего Корельского уезда, который после 1658 года окончательно перешел под власть шведской короны. Можно также полагать, что этот человек являлся карелом, хотя в документе он и назван зарубежным выходцем. Об этом может косвенно свидетельствовать тот факт, что в переписной книге нет упоминаний о его крещении в православную веру, что было в тот период обязательным условием для получения «разрешения на пребывание» на российской территории.

Деревня, в которой проживал в конце XVII века Якушка Пардуев, отсутствует в переписной книге Панозерского погоста 1707 года. Причиной запустения могло быть, видимо, начало Северной войны (1700–1721). С наступлением же мира в деревню постепенно стали возвращаться и ее бывшие жители, о чем и свидетельствует перепись 1726 года, где упомянуто, что в 1723 году сюда из бегов явились пять крестьян. Можно предположить, что именно Фома Петров с сыном и его младший брат Степан Петров могли быть одними из первых, кто вновь поселился на Хайкольском острове, что нашло отражение в предании, повествующем об основании деревни.

В то же время в ревизских сказках за 1763–1782 годы в деревне Салпога не упоминается никого с именем Ефим. Зато среди жителей соседней деревни Шомбозеро (кар. šompařárvi) отмечены Алексей Фомин и его сын Ефим, ро-

дившийся в 1751 году. Факты антропонимики говорят о том, что Ефим, сын Алексея, был внуком Фомы. Спрашивается, не того ли самого Фомы Петрова, который упоминается в Салпоге в 1763 году и у которого, судя по документам 1763–1782 годов, нет прямых потомков в Салпоге. Выдвигая такое предположение, мы принимаем во внимание и то важное обстоятельство, что в документах по Шомбозеру не обнаруживается никакого упоминания о Фоме, отце Алексея.

Если основываться на изложенных выше данных исторических документов, надо предположить, что часть жителей Салпоги (Хайколя) по каким-то обстоятельствам покинула в середине XVIII века деревню, переселившись в соседнюю деревню Шомбозеро, а примерно через сто лет их потомки вновь вернулись назад в Салпогу. Но как тогда объяснить, что деревня Салпога в неофициальном употреблении вплоть до самого последнего времени называлась Йоухколя, что в народном сознании этот топоним прочно связывается с Йоухко (рус. Ефимом), основателем коренного хайкольского рода. Ведь если исходить из документальных фактов, сам Йоухко никогда не жил в Йоухколя, а в то же время известно, например, что Йоухко был похоронен на острове на деревенском кладбище.

Возможно, ответ на вопрос кроется в предании, известном в Хайколя. Оно гласит, что часть жителей была записана в Шомбозеро с целью получения дополнительных земельных угодий, так как на острове дальнейшее разделение земли стало невозможным. Чтобы «прописаться» в другой деревне, хайкольцы подпоили чиновника, который занимался переписью населения. Все вышеперечисленное позволяет предположить, что сын крестьянина Фомы Петрова из Салпоги Алексей, а также второй сын Иван и все их потомки были «прописаны» в первой половине/середине XVIII века в деревню Шомбозеро, хотя продолжали жить в своей родной деревне. По всей вероятности, об этом случае повествует и предание, записанное Ювелиусом: жители деревни Хайколя (Йоухколя) переселились сюда три-шесть поколений назад, то есть где-то между 1736–1811 гг. (одно поколение – 25 лет), из Шомбозера (Juvelius 1888, 68). Видимо, за давностью лет предание претерпело изменения, донеся до нас сведения о ранней истории деревни в таком виде, как записал его Ювелиус. Судя по полученным нами архивным данным, можно говорить о нереальности заселения деревни Салпога в 1866 году совершенно новыми жителями. Еще более неправдоподобным, на наш взгляд, является то,

что жители, с которыми беседовал Ювелиус о прошлом деревни, через двадцать лет после переселения, если оно было, забыли, что сами родились в соседней деревне Шомбозере.

В деревне Хайколя бытовали две официальные фамилии – Кузьмины (докум. Козмины) и Степановы. Судя по имеющимся в нашем распоряжении документальным материалам, фамилия Кузьмин появляется в документальных источниках в середине XIX века. Однако истоки ее не вполне ясны, поскольку в числе жителей Салпоги документы не фиксируют человека с именем Кузьма, от которого могла произойти фамилия. Возможно, право опять же предание, согласно которому официальная фамилия Кузьмин была дана священнослужителем. Становление системы официальных фамилий крестьян происходило в Карелии поздно, при этом элемент произвола писцов был довольно значителен. Впрочем, здесь нужно учитывать еще одно обстоятельство, а именно то, что такая же фамилия бытовала и в Шомбозере, причем там в 1717 году родился Кузьма Семенов, от которого, судя по документам, пошла шомбозерская фамилия Кузьмины. Возможно, что причисленные в документах к Шомбозеру жители Салпоги и официальную фамилию приняли из Шомбозера.

Фамилия же Степанов закрепилась впервые за родившимся в 1839 году Алексеем Степановым, а позднее и за его потомками. Судя по родовому преданию, Алексей был сыном Василия – внука Йоухко (Ефима). В то же время в ревизских сказках 1834, 1850 и 1858 годов его «отец» Василий Галактионов (1804 года рождения) числился Кузьминым, и, судя по переписям, детей у него никогда не было. Согласно переписи 1858 года у Василия появляется супруга Фекла Герасимова, о которой еще ничего не сообщается в ревизской сказке 1850 года, когда Василий был 46-летним холостым мужчиной. Возникает, таким образом, вопрос: являлся ли Алексей сыном Василия на самом деле? Судя по имеющимся у нас документальным источникам, нет.

Частично ответ на данный вопрос мы опять же можем найти в одном из преданий, записанных от жителей деревни. Оно гласит, что у Василия в официальном браке детей не было. Однако у него был незаконнорожденный сын от женщины, проживавшей в соседней деревне Микколя. Когда муж последней, вернувшись с 25-летней службы, увидел, что у супруги есть внебрачный ребенок, он убил ее. Узнав о случившемся, Василий пришел в Микколя и забрал своего 8-летнего сына в Хайколя. Исходя из этого, было бы логично

предполагать, что Алексей должен был уже в 1847⁴ году проживать в деревне своего отца, однако ни перепись 1850-го, ни перепись 1858 года человека с именем Алексей среди жителей Хайколя не фиксирует.

Следует отметить, что в самой деревне Микколя, в документах Пезутьозеро (*кар.* Piesunki), в 1873 году упоминается Яков Митрофанов Степанов, а также Алексей Степанов. В случае с Алексеем не вполне ясно, является ли Степанов его отчеством или фамилией? Однако, по мнению изучавшего родословную семьи Степановых Рудольфа Тойвонена, отцом Алексея мог быть именно упомянутый в этой же деревне Яков Митрофанов Степанов. Последний же может быть идентифицирован с проживавшим ранее в деревне Кургиево, согласно сказке 1858 года, его полным тезкой, который, видимо, и переселился в период между 1858 и 1873 годом в деревню Микколя Ухтинской волости. Данный вывод пока не удалось подтвердить из-за отсутствия документов данного промежутка времени, однако полное совпадение имени, отчества и фамилии человека, проживавшего сначала в Кургиево, а затем в Микколе, его возраста, имени и отчества его супруги и детей, дает возможность сделать вывод, что выдвинутое Рудольфом Тойвоненом предположение выглядит вполне правдоподобным.

На основании хранящихся в Национальном архиве Республики Карелия документов Рудольф Тойвонен пришел к выводу, что появление фамилии Степанов у жителей Хайколя связано с переселением в последнюю из соседней деревни Пезутьозеро (*кар.* Mikko'l'a или Piesunki) именно Алексея Степанова, где он проживал с супругой Агафьей Матвеевой и детьми еще в 1873 году. В 1880 году Алексей Степанов с той же супругой числился уже проживающим в деревне Салпога. Родовые корни Алексея, как уже было отмечено выше, ведут в деревню Кургиево Панозерской волости, а изначально во входившую в состав самого Панозера деревню Мандерскую, откуда в период между 1745 и 1762 годом его предок Степан Егоров (род. 1717) переселился в Кургиево, от имени которого берет начало фамилия Степановых этой деревни (Toivonen 2006, 144-147).

Рудольф Тойвонен предполагает также, что супруга Василия Галактионова – Фекла Герасимова – могла быть родом из деревни Кургиево и являть-

⁴ Реально фиксируемый в документах Алексей Степанов родился в 1839 году.

ся родной сестрой деда Алексея – Митрофана Герасимова. Вполне вероятно, что, когда Василий Галактионов и его супруга начали стареть, они могли пригласить своего родственника, проживавшего в соседней деревне, вести их хозяйство, а в связи с тем что своих детей у них не было, то со временем Алексей стал, видимо, их полноправным наследником (Toivonen 2006, 146).

Поскольку в нашем распоряжении нет пока документов того периода, можно также предположить, что Алексей Степанов мог быть и более близким родственником Феклы Герасимовой, например, сыном от первого брака. На такую мысль наводит тот факт, что Василий взял Феклу в супруги, когда обоим уже было в районе пятидесяти лет, что не исключает возможности, что у последней могли быть дети взрослого возраста от предыдущего брака. Сама Фекла, как и Василий Галактионов, была 1804 года рождения.

Таким образом, из вышеперечисленного следует, что Кузьмины и Степановы, видимо, не имеют прямых родовых корней, как об этом сообщает родовое предание. Однако и документов, которые официально могли бы подтвердить выдвинутое Рудольфом Тойвоном предположение, мы пока не имеем.

Родовая же, неофициальная фамилия коренных жителей Хайколя могла быть Тухка(ни), которая восходит к древнему прибалтийско-финскому антропониму Тухка или Тухко⁵, обозначающему, возможно, человека с седыми или пепельными волосами. Наше предположение строится в данном случае на фактах предания, согласно которому первые жители пришли в Хайколя из местечка Тухкасенвуара, в названии которого, без сомнения, отражается родовая фамилия. Согласно преданию оттуда же вышли и жители деревни Тухкала, расположенной северо-западнее Хайколя и сохранившей в своем названии родовое прозвище Тухка. Добавим к этому, что антропонимические истоки топонима Тухкасенвуара поддерживаются другим вариантом названия Тухон-ахо, первый элемент которого явный антропоним Тухко в генетивной форме. На отыменные истоки его указывает конечное -о-, свойственный антропонимам деминутивный прибалтийско-финский суффикс (Tuhko < *Tuhkoi).

Вернемся еще раз к деревне Тухкала, первое упоминание о которой встречается в 1788 году. Однако ревизские сказки 1763–1782 годов позволяют вполне определенно говорить о том, что и эта деревня появилась несколько раньше. Объясняется это тем, что она, так же как и Хайколя, существовала под другим названием – Шайвозеро

(кар. šaivojärvi). Самым старым жителем этой деревни в 1763 году был Алексей Леонтьев⁶ (1685–1770). В этом же году упоминается и его сын Семен Алексеев, сын Тухкин, который родился в 1730 году. Эта информация интересна тем, что у жителей этой деревни в период становления официальных фамилий сохранилось их древнее родовое прозвище, которое и легло в основу фамилии. Это позволяет с уверенностью говорить, что факт переселения жителей из Тухкасенвуары или из деревни На горе 1678 года на северо-запад к берегам Шайвозера, отразившийся в предании, имеет место быть. Фамилия же Тухкин существует в Лоухском районе и по сей день.

Зная, что к моменту переписи 1762 года в деревне Салпоге из девяти дворов три двора стояли пустыми, а сама деревня Шайвозеро-Тухкала впервые упомянута в ревизской сказке этого же года, на основании данных фактов можно сделать вывод, что переселение могло произойти приблизительно в 50-е годы XVIII века. О недавнем переселении говорит еще и тот факт, что двое из троих сыновей самого старого жителя – Алексея Леонтьева – взяли жен из деревни Ухта, а его дочь вышла замуж в деревню Шомбозеро. Представители же последующих поколений этого рода выходили замуж и брали жен исключительно из деревень Тихтозерской, Кестеньгской и Олангской волостей. Отметим здесь, что из истории заселения деревни Тухкала известно, что ее основателями были три брата, переселившиеся сюда со стороны Архангельска (Lavonen 1998, 10). Интересно при этом, что согласно документам и у основателя Тухкалы – Алексея Леонтьева – было в момент переписи 1762 года также три сына.

Поскольку целый ряд фактов, изложенных в преданиях, подтверждается исторически, заманчиво видеть историческую подоплеку и в той части, которая повествует о приходе населения из Сегозерья. В связи с этим обращают на себя внимание сегозерские топонимы с элементом Тухка: Тухкаярви, Тухкалакши, Тухкаоя, из которых наиболее интересным представляется название деревни Тухкавуара, которая существовала на берегу озера Тухкаламби, на юго-западе от села Паданы еще в XX веке. Остается, однако, вопросом, может ли в

⁵ Кроме этого, известно также слово tuhkariä, которое обозначает недалекого человека.

⁶ Алексей Леонтьев являлся внуком упомянутого в 1678 году в деревне На горе (= Тухкасенвуара) Офоньки Иванова, который проживал в ней с двумя сыновьями Лёвкой (= Леонтий) и Микифоркой.

сегозерских топонимах Тухка – иметь антропонимические истоки, а если да, то идет ли речь о том же роде, который основал Хайколя. Показательно, однако, что в районе деревни Суопассалми Юшкозерского прихода, где, судя по преданию, предки основателей Хайколя проживали некоторое время после ухода из Сегозерья, известен топоним Тухказенранда – «берег Тухканена». Первый элемент этого названия явный антропоним. В завершение отметим, что родовое прозвище Тухка зафиксировано документально в Северном Приладожье в XVI–XVII веках. Данные карельской диалектологии убедительно свидетельствуют в пользу продвижения карельского населения из северо-западного Приладожья в район Сегозерья (Бубрих 1947, 39). Нельзя исключать, что эта волна заселения принесла с собой и родовую фамилию Тухка.

Об истории деревни и ее жителях можно узнать не только из документов и преданий. Достаточно серьезным и достоверным источником, дожившим до наших дней, являются топонимы. В топонимии Хайколя нашли отражение многие из тех антропонимов, которые упомянуты в исторических документах. Среди них неофициальное название деревни Йоухколя, которое восходит к русскому православному имени Ефим. Память о бывших жителях деревни сохраняется в названии ряда мысов деревенского острова Луотосуари, например, Йормилянними, в котором скрывается мужское карельское имя Йорми, русское Еремей. Из документов известно, что Еремей родился в 1773 году в семье того самого Ефима. Став взрослым, он, по всей видимости, поселился на одном из мысов острова, который стали называть Йормилянними, «мыс дома Еремея»; Кормилянними, «мыс Корнила», на котором построил свой дом сын Еремея. Стоит упомянуть и Юссинними – «Иванов мыс», Юаконними – «мыс Якова», но сложность состоит в том, что среди жителей деревни было несколько человек по имени Иван или Яков и в данный момент трудно сказать, кто первым поселился на этих мысах.

Новым интересным источником, с помощью которого можно проследить историю родов, проживавших некогда в Хайколя, являются тесты ДНК. Данный вид исследования не получил пока широкого применения, однако в данном случае мы можем смело его использовать, поскольку и хайкольские Кузьмины, и тухкальские Тухкины тест ДНК сделали.

Корни обоих родов ведут в Приладожье, при этом выдвинутое нами ранее предположение об единых истоках обоих родов не подтвердилось. В то же время и одни, и другие относят к гаплогруппе

N⁷ с субкладом N1c1. При этом генеалогическая линия DYS390 = 24, DYS459 = 10 и DYS537 = 9 характерна именно для карельского населения. Кроме этого, сама мутация 8 – > 9 в ветви DYS537 произошла именно в Приладожье приблизительно 1300 лет назад.

Благодаря тесту ДНК подтвердилось выдвинутое нами ранее предположение об единых истоках обоих родов. Согласно проведенным расчетам, Кузьмины и Тухкины имели общего предка в начале XV века. Исходя из этого, можно говорить о том, что хотя род разделен достаточно давно, его представители продолжали все же жить единой общиной до середины XVIII века, вплоть до того момента, когда предки рода Тухкиных решили переселиться из деревни Хайколя на север в Тихтозерскую волость. В противном случае достаточно сложно объяснить тот факт, что две ветви одного и того же рода спустя двести лет после разделения вновь нашли друг друга и стали проживать в одном населенном пункте. Отметим также, что предание, повествующее о переселении в Беломорскую Карелию из Сегозерья, в настоящее время пока не подтверждается. Однако данный факт можно объяснить элементарным отсутствием тестов из Средней Карелии.

Исходя из этого, а также, учитывая имеющиеся на данный момент наиболее близкие генетические совпадения, можно сделать вывод, что Кузьмины и Тухкины двигались в карельское Беломорье напрямую из Приладожья⁸. Упомянем здесь, что одним из генетических родственников

⁷ Гаплогруппа N встречается в Центральной, Северной Европе и повсеместно в европейской и азиатской частях России. Наиболее генетически «чистые» представители – удмурты (68%) и финны (61%). Гаплогруппа N является потомком гаплогруппы NO, примерно 45–35 тысяч лет назад широко распространённой в восточной Азии. Хотя современное распространение группы N максимально в северной Азии, нахождение древнейших её субклад N* в горах южного Китая (провинция Юньнань) может говорить о появлении мутации M231 именно в том регионе. Однако подавляющее большинство современных представителей этой группы относятся к ветви N1, наиболее вероятное место появления которой – регион Алтая, Прибайкалья, южной Сибири, Монголии или северного Китая, а время – между 20 000 и 15 000 лет назад. Считается, что она была принесена через Евразию большой миграцией лесных сибирских народов на запад, последняя фаза которой – расселение по Уралу и далее с него по Поволжью и северо-восточной Европе (Русский Север, Финляндия, Прибалтика) – ассоциируется с распространением в этом регионе уральских языков (Гаплогруппа N (Y-ДНК)).

⁸ Заманчиво обратить внимание на существовавшую в окрестностях современной Сортавалы деревню Тухкала, которая упоминается в переписной окладной книге Водской пятины уже в 1500 году (ПОК, 144).

Кузьминых является современный род Холоппа, из истории которого известно, что его представители в 1495 году переселились в числе пятидесяти других карел в шведскую провинцию Яски из города Корела. С родом Холоппа Кузьмины имели общего предка в Приладожье приблизительно 780 лет назад. С генетически наиболее близкими родственниками Вдовицыными (кар. Leskini) из севернокарельской деревни Курגיעво род имел общего предка приблизительно 550 лет назад или в первой трети XV века.

Не смотря на то, что генетический анализ и подтвердил родство Кузьминых и Тухкиных, возникает все же естественный вопрос об истоках названия самой деревни Хайколя. Истоки официального наименования не вполне ясны, поскольку в документах не удается обнаружить упоминания о жителе деревни с именем (прозвищем, фамилией) Хайко. Однако человек с таким именем, несомненно, должен был некогда проживать в деревне, поскольку известно, что модель наименования на *-la/-l?* присваивалась именно на первом этапе заселения первому дому, родовому гнезду, с которого род начинался, где к имени основателя присоединялся суффикс с локативной семантикой *-la/-l'a/-l'ä* (Кузьмин 2003, 67), т.е. *Naiko + -l'a*. Поскольку известно, что наименование Хайколя народная память связывает еще с этапом жизни на возвышенности Тухкасенвуара, то можно предположить, что один из домов, на ней расположенных, мог носить в то время название *Naiko'l'a*, которое было перенесено после переселения на остров и на поселение на нем располагавшееся. Позднее эта небольшая деревня стала называться также Йоухколя, по имени внука основателя деревни – Йоухко. Таким образом, в названии Хайколя может скрываться прозвище, возможно, родовое семьи Кузьминых. Подобная ситуация была, например, и в соседней деревне Луусалми. Здесь бытовали неофициальные фамилии *Oittini* (офиц. Тимофеевы) и *Poutani* (офиц. Калинины), однако из документов известно, что оба рода восходят к единому предку – Григорию Кузьмину, фиксирующемуся в деревне в последней трети XVII века (Toivonen 2005: 169).

Родовое прозвище Хайконе/Гайкане, судя по данным письменных источников XVI – XVII веков, бытовало в северо-западном Приладожье, ср. в 1637 в Пелецком погосте Иванко Гайкане / *Ivanko Naikone* (ПО 1637, 255, 623). Авторы словаря финских фамилий предполагают, например, в имени Хайко, от которого образовалась фами-

лия, германские истоки (*Sukunimet*, 51). Местные же жители полагали, что название произошло от прозвища, которое получили жители деревни от соседей⁹. По их мнению, оно образовано от глагола *haikotella* со значением «зевать», ср. также кар. *haikko* «зевота» (KPC). В севернокарельском диалекте есть также слово *haik(k)o* со значением «хрип, хрипение» (Virtaranta 1958, 177). Таким образом, прозвище Хайко мог носить, например, человек с хриплым голосом, а кроме этого и «бестолковый человек» (KKS).

В работе мы попытались дать анализ различных видов источников: исторических документов, данных топонимии, преданий, касающихся одной из деревень Беломорской Карелии – Хайколя, что позволило получить интересную информацию об истории этой деревни. При этом увязанные в одно целое, дополняющие и подтверждающие друг друга народная память, факты ономастики и истории позволяют с достаточной долей достоверности реконструировать некоторые ключевые моменты 350-летней давности в истории этой деревни и ее жителей.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

АК – Архангельская Карелия. Издание Архангельского губернского статистического комитета. Архангельск, 1908.

Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. Государственное издательство Карело-Финской ССР. Петрозаводск, 1947.

ГАРК, Ревизские сказки 1782 года, ф. 4, оп. 18, д. 9/57.

ГАРК, Ревизские сказки 1850 года, ф. 4, оп. 19, д. 24/200.

ГАРК, Ревизские сказки 1858 года, ф. 4, оп. 19, д. 42/331.

МК – ГАРК, Метрические книги Ухтинского прихода 1873-1915, ф. 25, оп. 23, д. 40-155.

КРС – Зайков П., Ругоева Л. Карельско-русский словарь. Петрозаводск, 1999.

Кузьмин 2003 – Кузьмин Д.В. Истоки форманта – *šina* в карельской топонимии // Прибалтийско-финское языкознание: Сборник статей, посвященный 80-летию Г. М. Керта. П., 2003.

⁹ Также известно, что в XX веке жителей Йоухколя называли *Naiko'an ruhäristi*, так как для весомости своих слов они использовали выражение *Ihan ruhäristi* – «Вот тебе святой крест».

МПИК 1941: Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941.

ПК 1678 – Переписная книга Лопских погостов Олонецкого уезда И. Аничкова, И.Н. Аничкова и подъяче-го и. Венякова 1678 года (ф. 1209, кн. 8573, л. 60 об.-71 об.).

ПО 1637 – Поземельная книга Кексгольмского лена 1637 года // История Карелии XVI – XVII вв. в докумен-тах II. Йоэнсуу, 1991.

ПОК – Переписная окладная книга Водской пятины 1500 года. Корела с уездом. Временник императорс-кого московского общества истории и древностей российских. Кн. 12. Москва, 1852.

Подробное описание – Podrobnoje opisanije vo II-m blagotshinii prihodov i naselenija za 1888 god. Atlas Arhangel'skoj eparhii.

РС 1726 – Ревизские сказки Олонецкого уезда Па-нозерского погоста 1726 года. (ф. 350, оп. 2, д. 2370, л. 527-538 об.).

СНМАГ – Список населенных мест Российской Им-перии. I. Архангельская губерния. СПб., 1861.

СНМ – Список населенных мест КАССР. Петроза-водск, 1928.

СТ – ГААО ф. 6, оп. 15, д. 37. Arhangel'skij Gubernskij Statistitsheskij komitet. Spisok toponimov Uhtinskoj volosti.

Тароева Р.Ф. Материальная культура карел. Изда-тельство «Наука», 1965.

Juvelius 1888 – Juvelius J.W. Muistoja Pohjoisen Venäjän Karjalan muinaisuudesta. Helsingissa, SKS, 1888.

Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, 1-6. Helsinki 1968-2006.

Kortesalmi J. Juhani Pohjois-Vienan poronhoito. Helsinki, 1996.

Lavonen N. A. Kiestingin kansanlauluja (Pesennyj fol'k-lor kesten'gskih karel). Petrozavodsk, 1989.

Toivonen 2006 – Toivonen Rudolf Olivatko Ortjo Stepanovin sukujuuret Haikolasta vai Paanajärven Mantereesta. Karjalan heimo. 2006. № 7-8. S. 144-147.

Sukunimet – Mikkonen P., Paikkala S. Sukunimet. Helsinki, 1978.

Nissilä 1975 – Nissilä Viljo Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975.

Pöllä 1995 – Pöllä M. Vienan Karjalan etnisen koostu-муksen muutokset 1600-1800-luvulla. Helsinki, 1995.

Timonen 1979 – Timonen E.S. Ei mahti maahan jouda. Lähikuvia runonlaulajista. Karjala-kustantamo. Petroskoi, 1979.

Virtaranta 1958 – Virtaranta Pertti Vienan kansa muis-telee. WSOY, 1958.

Virtaranta 1981 – Virtaranta Pertti Karjalaisia kult-tuurikuvia. Espoo, 1981.

Гаглогруппа N (У-ДНК) –
<http://ru.wikipedia.org/wiki>

□

Денис КУЗЬМИН

*родился в 1977 г. в п. Калевала
Калевальского района Карелии.*

*Окончил факультет прибалтийско-финской
филологии и культуры ПетрГУ,
аспирантуру при ИЯЛИ КарНЦ РАН.*

*В 2005 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему
«Ареальная дистрибуция топонимных моделей
Беломорской Карелии».*

*Область научных интересов –
топонимия, антропонимия,
этническая история Карелии.*

В журнале «Север» публикуется впервые.

